

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

«ТАКОЙ ПРИМИТИВНЫЙ ПОДХОД...»

Челябинское совещание и планирование весеннего наступления
Восточного фронта адмирала Колчака*

8 февраля 1919 года Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами России адмирал Александр Васильевич Колчак отправился в поездку на фронт¹. 10 февраля он прибыл в Челябинск, где на следующий день состоялось совещание высшего военного руководства белого Восточного фронта, на котором обсуждался стратегический план предстоявших операций, в том числе и предполагавшегося наступления.

На совещании 11 февраля присутствовали: Колчак, командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда, командующий Западной армией генерал-лейтенант М. В. Ханжин, командующий Отдельной Оренбургской армией генерал-лейтенант А. И. Дутов и начальники штабов Сибирской и Западной армий Генерального штаба генерал-майоры Б. П. Богословский и С. А. Щепихин². Об этом совещании сохра-

нилось всего два сравнительно подробных свидетельства его участников — Гайды и Щепихина. Оба свидетельства труднодоступны даже для специалистов: воспоминания Гайды опубликованы, но не переведены на русский язык, а воспоминания Щепихина об этом событии никогда прежде не публиковались. Причём если первый упоминает среди участников совещания начальника штаба Ставки Генштаба генерал-майора Д. А. Лебедева и начальника штаба Отдельной Оренбургской армии Генштаба полковника А. Н. Вагина, то по более заслуживающим доверия воспоминаниям Щепихина Лебедев и Вагин не участвовали в совещании, а в качестве секретаря присутствовал Генштаба полковник Д. М. Супрунович³.

Как вспоминал Гайда, план Ставки заключался в наступлении по линии Пермь — Вятка — Вологда. Сам Гайда утверждал, что выступил резко против такого плана и вместе с Дутовым отстаивал план наступления левого фланга фронта на соединение с войсками А. И. Деникина,

действовавшими на Юге России. Для этого, по мнению Гайды, достаточно было продвинуться лишь на 90 километров. Впрочем, эта цифра далека от реальности. Якобы присутствовавший на совещании Лебедев выступил против предложения Гайды и Дутова, утверждая, что соединение могло привести к трениям на почве стремления к первенству и пагубным последствиям в дальнейшем (Деникин на тот момент ещё не подчинился власти Колчака). Все участники совещания, в том числе и сам Колчак, за исключением Гайды и Дутова, поддержали Лебедева. В конце заседания Колчак, по словам Гайды, заявил: «Кто первым дойдёт до Москвы, тот станет хозяином положения»⁴. Противникам такого подхода оставалось лишь согласиться с мнением большинства.

Свидетельство Гайды о совещании следует считать преднамеренной ложью. По мнению С. П. Мельгунова, Гайда вопреки своим мемуарам был ярким сторонником северного варианта⁵. Дутов на Войсковом Круге заявил, что договорился с Гайдой об

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 08-01-00052а «Генеральный штаб в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

Колчаковцы в окопах.

обмене пеших частей на конные⁶, однако в дальнейшем армия Дутова столь необходимой ей пехоты так и не получила.

Сохранился рукописный русский перевод воспоминаний Гайды, в котором о челябинском совещании сказано следующее: «В январе⁷ 1919го года в Челябинске происходила серьёзная военная конференция, где решался план ближайших военных операций. Там собрались все командующие армиями и другие генералы Ставки. Присутствовал и Колчак со своим начальником штаба генералом Лебедевым. Командующий Западной армией ген[ерал]-поручик⁸ Ханжин, командующий Южной армией ген[ерал]-майор⁹ Дутов, а и три начальника штаба армий.

План Ставки был следующий: наступать на север по линии Пермь — Вятка — Вологда, чтобы завладеть центральным промышленным районом и главным городом Москвой. Я был решительно против этого, указывая на то, что поход на Вологду растянёт нашу северную линию фронта и поставит в опасность наш тыл, т. к. большевики, сконцентрировав в любом месте свои силы, могут отрезать всю мою армию от железной дороги на Урал и в Сибирь. Я вместе с генералом Дутовым старались добиться принятия плана наступления левого фланга фронта, т. е. наступления Южной армии, для того, чтобы соединиться с армией генерала Деникина, который в то время находился на сравнительно небольшом расстоянии от нас, приблизительно в 90^{км} километрах; таким образом был бы создан единый фронт. Генерал Лебедев выступил с большой страстностью против моего предложения, сказав, что если мы соединимся с ген. Деникиным, то могут произойти трения из-за первенства, которые приведут к печальным последствиям, т. к. в то время Деникин ещё не объявил, что подчиняется адмиралу Колчаку. Поэтому мы должны двинуться на Москву. Того же мнения придерживались и все остальные, кроме меня и Дутова. Адмирал Колчак высказался только в самом конце прений.

Кто первый попадёт в Москву, тот будет господином положения. Это были его слова. Меня удивили эти заключения, а ещё в большей степени то, что Колчак мог согласиться с честолюбивыми планами своего начальника штаба. Это было новое проявление его слабости. Я начал опасаться неблагоприятного влияния генерала Лебедева, но я должен был подчиниться решению большинства, которое стояло за вышеуказанным планом, и поэтому я употребил все силы, чтобы подготовить армию к его выполнению.

За свою армию мне нечего было бояться. Она не знала отступлений и пораже-

Д. А. Лебедев. Газета «Заря».

С. А. Щепихин.

ний, которые испытала Западная армия. Сибирская армия была сильна духом, который до сих пор не подорвали ни незначительные частичные неудачи, ни тяжёлые сражения, ни невзгоды и утомление.

Я был убеждён в том, что мне удалось бы и эта операция, если бы соседняя Западная армия выполнила поставленную перед ней задачу. Но я знал и то, что внутренне она очень слаба и я заранее был убеждён в том, что наступление ей не удастся; в таком духе я и высказался об этом плане перед Адмиралом Колчаком¹⁰.

Февральское совещание в целом дало незначительный результат, поскольку неприехавший Лебедев давно уже принял свой собственный план предстоявшей операции, который Колчак должен был заставить принять и командующих

армиями, а все командующие — и Гайда, и Ханжин, и Дутов — имели собственные планы действий и руководствовались ими без должной координации с соседями¹¹. Генерал Щепихин с грустью писал о тройке командармов, в которой у каждого коня свой кучер¹². Ситуация осложнялась постоянным соперничеством между соседями: Гайдой и Ханжиным, Ханжиным и Дутовым¹³, причём Ханжин явно интриговал перед Ставкой против оренбургского атамана.

Вскоре после совещания Щепихин сообщал в Ставку: «Я теперь должен признаться, что при обсуждении общего плана здесь в Челябинске в присутствии Верховного мы были введены быть может вполне добросовестно командармом Оренбургск[ой] армии в заблуждение как относительно общего состояния армии, так, в частности, и относительно Башкирского участка. Основываясь на докладе ген. Дутова, что всё обстоит благополучно и что с башкирами он справится, и был принят план, который я называю средним, так как он учитывал нанесение главного удара по центру на Уфу. Два крайних плана в то время отпали по различным причинам. План Гайды — нанесение главного удара в районе его армии, потому что слишком район удара удалён от района, где нужна помощь. Второй крайний план, который, быть может, по обстановке данного момента теперь и надо принимать, именно — сосредоточение и главный удар от Верхнеуральск[а] — Троицка по Башкирии и наиболее решительный и быстро приводящий к результату, тогда не был принят ввиду удовлетворительного по освещению (? — А. Г.) ген. Дутовым обстановки положения и так как это решение сопровождается многими минусами, как то: трудность снабжения, медленность сосредоточения, горный район, не позволяющий работать большими силами и угрозой ему со стороны Уфы, то это решение было оставлено и принято известное уже Вам. Полагаю, что менять в корне план не нужно и видоизменять нанесение главного удара на фронте Западной армии, но уделить больше внимания левому флангу и тылу нашей и Оренбургской армии за счёт второстепенного Сибирского участка повелительно требует обстановка, иначе к моменту начала операции на Уфу можно быть вынужденным угрозой соединениям Оренбургской поспешно обессилить занесённый удар и скомкать всю операцию, вот почему я [с] согласия Командующего Армией в начале нашего разговора и доложил Вам, что здесь нужна помощь серьёзная, вполне самостоятельная, а не паллиативы, на которые способны Западная и

Оренбургская армии. Первая — ввиду начатия исполнения общего плана, а вторая — обессилия. Отсюда ясно, что, если Вы не пожертвуете Сибирской бригадой и второстепенными задачами, данными Гайды, то придётся вывести нам часть своих сил, намеченных для удара, чем нарушить общий план на главном, а не на второстепенном, что будет при отозвании Сибирской бригады от Гайды участка. Генерал Щепихин»¹⁴.

Однако помимо этого краткого донесения именно генерал Щепихин в своих мемуарах оставил единственное достоверное и подробное свидетельство о совещании, детально описав всю бессмысленность, несерьёзность и даже позорность для Белого движения этого мероприятия. Этот небольшой фрагмент воспоминаний имеет исключительное значение для оценки стратегического планирования весеннего наступления белых на Восточном фронте и предлагается вниманию читателей.

Автор воспоминаний — Генерального штаба генерал-майор Сергей Арефьевич Щепихин — происходил из семьи уральского казачьего офицера. Он родился в станице Январцевской 1 октября 1880 года, окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1908), причём во всех этих учебных заведениях обучался вместе с будущим оренбургским атаманом Дутовым. На 1917 год Щепихин уже был полковником Генерального штаба, имел боевой опыт Русско-японской и Первой мировой войн. В годы Гражданской войны возглавлял

Атаман А. И. Дутов, А. В. Колчак, генерал И. Г. Акулинин и архиепископ Мефодий (Герасимов) на банкете. Троицк. Февраль 1919 г.

штаб Уральского войска, но из-за конфликта с депутатами уральского Войскового съезда и его председателем Г. М. Фомичёвым был вынужден уехать в Самару, где получил ответственный пост начальника полевого штаба Поволжского фронта. В конце 1918 года произведён в чин генерал-майора. В первой половине 1919-го, в том числе и в ходе весеннего наступления белых, являлся начальником штаба Западной армии, на которую возлагалось нанесение главного удара по красным. Фактически сам разработал план наступательной операции, во время которой белым на Восточном фронте удалось добиться наиболее

В белом штабе. 1918 г.

впечатляющих успехов. Во время последовавшего отступления принял участие в Сибирском Ледяном походе, занимал пост начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом. В мае 1920 года выехал в белый Крым, куда прибыл уже во время эвакуации. В эмиграции жил в Чехословакии. Умер в 1948 году и похоронен на Ольшанском кладбище в Праге¹⁵.

Генерал Щепихин оставил потомкам по-настоящему монументальный мемуарный свод о событиях Первой мировой и Гражданской войн, который можно если не поставить в один ряд с «Очерками русской смуты» Деникина, то, по крайней мере, выделить как не менее впечатляющий по своему охвату. В настоящее время воспоминания генерала Щепихина готовятся к публикации в полном объёме.

Сергей Щепихин

Челябинское совещание

...После обеда в 5 ч[асов] веч[ера] — Совещание Командующих Армиями и всё. Я до отъезда Колчака уже не сопровождал, занятый делами и подготовкой к совещанию.

Тема совещания точно не была известна: предполагал, что будет поднят вопрос о предстоящем наступлении, возможно затронут и общую идею этого наступления, условившись о времени начала его.

Я заготовил два доклада, на всякий случай: один о времени возможного наступления, другой — план операции в самых грубых чертах.

С обеими докладами ген[ерал] Ханжин¹⁶ вполне был солидарен и просил их зачитать их (так в документе. — А. Г.) на совещании или доложить устно.

Странно, что наштаверх Лебедев¹⁷, сопровождавший Колчака в поездке в Челябинск, нигде не появлялся. Не был он и на совещании — указание на его присутс-

Полковник
Д. М. Супрунович

М. В. Ханжин

А. И. Дутов

А. В. Колчак

Р. Гайда

Б. П. Богословский

С. А. Щепихин

Схема Челябинского совещания
(по С. А. Щепихину).
Реконструкция.

Стенная карта военных действий.

твие на совещании, сделанное Гайдой¹⁸ в его книге «Мои воспоминания» — неправильно. Но об этом несколько ниже.

Я на самом совещании остановлюсь весьма подробно, так как в литературе об этом важном моменте жизни Восточного фронта нигде, кроме Гайды, не говорится. А у Гайды столько неточностей, что удивляешься короткости памяти у человека, тогда, на этом именно совещании, сыгравшего столь печальную для нашего русского дела роль.

К назначенному часу прибыл из своего поезда и адм[ирал] Колчак. Вот состав участников Челябинского совещания и как они располагались за столом¹⁹.

Все шесть человек, седьмой полк[овник] Генштаба Супрунович (бывший у меня в Уфе одно время заведующим передвижением войск)²⁰ — был при Адмирале, правом голоса так сказать не пользовался. Он вёл журнал заседа[ни]я и давал необходимые справки Адмиралу.

Совещание было секретное, о чём Адмирал предупредил заранее, прося меня назначить совершенно изолированную комнату.

Присутствие моего генкварма Нарышкина²¹ было отклонено. «Скажите ему в утешение, — сказал с милой улыбкой Адмирал, — что после совещания мы все придём к нему пить чай, и я сделаю визит его супруге!»

«Господа, — начал Колчак, — я собрал сюда всех командующих Армиями для того, чтобы выяснить, во-первых, сроки возможного нашего общего наступления; а, во-вторых, условиться по поводу общего плана действий... Срок начала наступления через две недели. А о плане его необходимо поговорить...

Итак, срок наступления — один для всех армий или нет?»

Меня, да и не одного, вероятно, меня, поразил такой, я бы сказал, примитивный подход к столь сложной, серьёзной и в высшей степени ответственной теме.

Гайда: «Я готов наступать!» Дутов²²: «Я тоже готов! Казаки горят желанием заглавить позор сдачи родного Оренбурга. Они рвутся, пренебрегая неполной готовностью и тем, что они так недавно пережили». И Дутов начал довольно подробно излагать свой анабазис, забывая, что мы собрались не для этого, и что таких анабазисов уже сотни и ещё будут сотни; они интерес представляют чисто литературный, но не военный...

«Западная Армия к указанному сроку не будет готова к длительному, мощному наступлению. Удар накоротке — да, но длительное наступление должно питаться из глубины: мы резервов не имеем — всё, что на фронте, вытянуто в одну линию по необходимости; при наступлении фронт может только уширяться и для Западной Армии он будет от р. Камы до ж[елезной] д[ороги] Оренбург — Кинель — Самара включительно. Нас поглотит пространство. Каппель, единственный резерв Ставки²³, будет готов не раньше как месяцев через 3–4; Дай Бог к середине мая, а то и июня.

Если Ставка не имеет своих резервов, то я не решаюсь указать срок более ранний, нежели начало мая.

Таков был мой доклад...

«А Вы, командующий Западной Армией?» — довольно едко обратился Колчак к Ханжину.

«Ген[ерал] Щепихин мне уже изложил раньше указанные основания, и я с ним

совершенно согласен и поддерживаю», — ответил кратко Ханжин.

«Это невозможно. Невозможно по политическим причинам!» — взревел Колчак, не называя этих причин.

Мы все поняли, что эти причины — признание Колчака союзниками. Что ж, вероятно, причина очень важная, но и в то же время настолько деликатная, что стремиться это признание, так сказать, вырвать из рук союзников не приходилось, раз нет полной уверенности в полном и прочном успехе!

Но возражать, настаивать ген[ерал] Ханжин отказался, заявив мне тихо, что вопрос о признании почти решён в положительном смысле — нужна лишь победа на фронте, хотя бы и частная.

Я отказывался что-либо понимать: или мы собираемся серьёзно покончить с большевиками, или же мы стремимся кому-то втереть очки; даже не кому-то, а союзникам и за счёт горбов наших добровольцев. Это повторение ошибки нашего Генерального штаба в Великую войну — в угоду Франции бить растопыренными пальцами и по Галиции и по Восточной Пруссии; лишь бы союзники были довольны...

Колчак, видя нашу настойчивость, решил прибавить; при этом на помощь был притянут и Супрунович, который нас информировал, во-первых, о том, что задержки в присылках фронту всего необходимого уже отходят в область прошлого — теперь всё это потечёт в изобилии.

Читается длинный список, что и где запасли.

Я возражаю, что всё это бумага, что мы не сумеем всё это получить. Даже по жел[езной] дороге грузы у нас идут ме-

сяцами, а ведь мне надо многое передать ещё и на колёсах (санях).

Затем обоз — мы имеем сейчас сани, а как мы перейдём на колёса, когда наши заказы ещё не начаты!

«Так вот и начнём раньше, чтобы до колёсного периода закончить», — вклинивается снова Адмирал.

Я пожимаю плечами и умолкаю. Видимо в серьёзных тонах беседу вести не удастся. Ясно, что вопрос решён в недрах Ставки и Омска вообще; с нами приехали из вежливости поделиться своим решением раньше, чем сдавать его в печать.

Раз предreshено — с Богом!

Торгуемся ещё. «Сколько времени Западной Армии надо, чтобы быть готовой к наступлению, не поднимая вопроса о глубоких резервах, о длительности операций и т. п.»

Ещё минимум месяц, т. е. до середины марта.

«Нет, это поздно», — с грустью отмечает Колчак.

«Десятое», — называет Ханжин. «Пятое», — говорит кто-то из командующих. Останавливаемся на 7/III (7 марта н[ового] ст[илия]) для Западной и на 4/III для Гайды и Дутова. Я последнему всей душой изумлялся: с чем он думал наступать?²⁴

Теперь мне понятно, почему на Совещании не был Лебедев — он хотел избежать «бесплодных» (с нашей стороны) возражений и споров...

Дутов и Гайда (вернее Богословский²⁵) пытались решить вопрос за противника, что де, если мы не начнём наступление, то противник его предпримет. И что невыгодно выпускать из рук инициативу...

«Теперь, господа, второй вопрос — какие общие положения, основания будущего плана наступления?» — задал вопрос Колчак.

К моему глубокому изумлению — все три командующих считали своё направление важнейшим и притягивали все данные, чтобы стратегически, политически и тактически оправдать необходимость нанесения главного удара только на его участке.

Дутов привёл достаточно веские соображения, но плохо поддержал их своими планами. Безусловно, важно было наносить главный удар через Оренбург, ибо здесь только можно было искать связи с Деникиным.

Но улыбалось ли это нашему Верховному Правителю, а главное его наштаверху.

Мотивы Дутова были, безусловно, вер-

ны стратегически: все возможные очаги борьбы были уже выяснены; это, кроме Сибири, Оренбургские и Уральские казачки, а затем юг Деникина; произведя удар в этом направлении, можно было рассчитывать не только на чисто воен-

Генералы В. О. Каппель, В. В. Голицын, М. В. Ханжин, Д. А. Лебедев, С. А. Щепихин на совещании в штабе Западной армии. Стоят: поручик Вербицкий (адъютант Ханжина), полковник Ф. А. Пучков, подполковник Б. Э. фон Вах (?). Начало 1919 г.

но-стратегические выгоды, но также и на то, что местное население поддержит это наступление...

Против этого плана были существенные возражения: Южная армия²⁶ была самая слабая; она только что перенесла серьёзнейшую болезнь — отступление и сдача Оренбурга²⁷; наступление через Оренбург осложнялось угрозой непосредственного удара в тыл, со стороны Туркестана; наконец, снабжение в этом районе и подвоз (транспорт) для больших масс было чрезвычайно затруднено²⁸. Эта армия, этот район до сих пор считались второстепенными театрами военных действий, а потому, естественно, нужно было и время, и значительные усилия, чтобы подготовить район к операциям крупного масштаба. Недостаточно было написать в приказе, что на Южную Армию возлагается нанесение главного удара — надо было для успешности его выполнения создать соответствующую обстановку.

К общему удивлению Гайда всецело присоединился к соображениям, высказанным Дутовым, но поступиться своими местными интересами он отказывался наотрез: его армия и без того обессилела с уходом 3го Урал[ьского] корпуса Голицына²⁹ в Западную армию и чехов — совсем с фронта³⁰; запасы у него скудные, и он терпит во всём недостаток.

Не менее выгодно было нанести главный удар Западной Армией, указав ей цель — выход на сравнительно ограниченный участок Волги Самара — Саратов.

Западная Армия была достаточно сильна, с тылом связь налажена; большой недостаток — открытые ударам фланги, но это уже забота соседних армий — прикрыть эти фланги своим энергичным наступлением.

Для этого Гайде предложено было, во-первых, начать наступление несколько раньше Западной Армии, чтобы оттянуть на себя противника, во-вторых, манёвр организовать так, чтобы левый его фланг мог всегда оказывать поддержку Западной Армии. Опасность за левый фланг Западной Армии оставалась, так как по заявлению самого Дутова рассчитывать на его очень энергичные действия не приходится: после отхода в общем у него пробита довольно сильная брешь в Армии и физическая, и моральная.

Удивительно, что на Совещании ни сам Колчак, ни командующие армиями не хотели или не умели заметить то противоречие, которое исходило постоянно от одного и того же лица.

Так Дутов и Гайда то ретиво отстаивали наступательный план и временем не стеснялись, поскольку предложение ставило их в заглавную роль лица, наносящего главный удар. Но как только вопрос ставился в плоскость оказания поддержки соседу, какого бы вида ни требовалась поддержка, сейчас же из тех же уст сыпались цифры и доводы о[б] их собственной слабости. С этой позиции сбить их так до конца совещания и не удалось.

Гайда, а за ним, к моему изумлению, и Богословский, горячо возражали против заблаговременных перегруппировок, против тех из них, в идее которых скрывалась помощь соседу.

Мне становилось жутко от такого непробудного эгоизма.

Я попросил слова, кратко обрисовал общую обстановку, отчётливо изобразив возможное течение операции с учётом сил противника и географии района наступления и задал вопрос Гайде в упор: как он полагает оказать поддержку главному удару от Уфы на Самару — Симбирск, в случае если это наступление захлебнётся или этому наступлению будут угрожать резервы противника со стороны Казани.

Если бы Гайда был в момент наступления уступом впереди, то вопроса такого я бы не ставил, но в первые же дни манёвра вопрос станет во весь рост...

Тогда Гайда, как мне казалось, вынужденный ответить прямо на резко поставленный вопрос, встал молодцевато с палочкой в руках, подошёл к карте и развил такие идеи, что присутствующим стало неловко.

Челябинск. Номера М. И. Дядина, где в 1919 г. располагался штаб Западной армии. Дореволюционная открытка.

Он сказал на ломаном русском языке, что его армия, наступая на Пермь — Вятку — Котлас (это общее наступление, направление ударов, будет иметь сильный отряд в направлении на Ижевско-Вот-

кинские заводы и Казань. Угроза удара по кратчайшему направлению на Москву (!?) скучёт большевиков... А затем он, Гайда, сможет всегда двинуть свою Армию вот так: палочка скользнула от Ижевска-Вот-

кинска через Елабугу на р. Каме в район Бугульмы — Симбирска...

Что он этим хотел сказать, никто, наверное, не понял... Я видел, как Богословский уткнулся усами в свой портфель... Объяснений подробных требовать было немислимо и бесполезно: ясно, перед нами стоял человек случая, но совершенно безграмотный в военном деле. Для меня также ясно стало, что никуда Гайда не пойдёт, а лишь р. Камой прикроет свой левый фланг, но этой же мощной рекой он постарается совершенно отгородиться от общей операции.

Но на совещании не к кому было апеллировать: адмирал откровенно не разбирался в вопросе, а Супрунович сидел лишь благородным свидетелем; Дутову и Богословскому было не выгодно из личных соображений раздвигать рамки дискуссии...

Оглядев всех победоносным взглядом, Гайда сел...

Резюме со стороны Колчака не пос-

Примечания

1. Правительственный вестник (Омск). 1919. № 66. 11.02. С. 2.
2. Gajda R. Moje paměti. Praha. 1920. S. 117.
3. ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 56.
4. Gajda R. Op. cit. S. 118.
5. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 1. Конституционная диктатура. Белград. 1931. С. 126–127.
6. Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк. 1919. С. 15.
7. Так в документе.
8. Так в документе. Правильно — генерал-лейтенант.
9. Так в документе. Правильно — генерал-лейтенант.
10. РГВА. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Л. 231–233.
11. Петров П. П. От Волги до Тихого Океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига. 1930. С. 76.
12. ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78 об.
13. Подробнее об этом см.: Волков Е. В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург. 1999. С. 103. 126–128; Петров А. А. Генерал-лейтенант Р. Гайда // Исторические портреты: А. В. Колчак, Н. Н. Юденич, Г. М. Семёнов... М. 2004. С. 96.
14. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 8–18.
15. Подробнее см.: Ганин А. В., Семёнов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М. 2007. С. 635.
16. Ханжин Михаил Васильевич (17.10.1871–20.12.1961) — из семьи войскового старшины Оренбургского казачьего войска. Родился в Самарканде. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище по 1 разряду (1893), Михайловскую артиллерийскую академию по 1 разряду (1899), Офицерскую артиллерийскую школу «успешно» (1903). На службе с 29.08.1890. Ген.-лейт. (с 25.08.1916). Ген. от артиллерии (с 20.04.1919). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Инспектор артиллерии 8-й армии (с 18.04.1916). Сыграл выдающуюся роль в организации наступления Юго-Западного фронта (1916). Назначен инспектором артиллерии армий Румынского фронта (19.12.1916). Полевой инспектор и генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем (14.04.1917). Уволен из армии после большевистского переворота. С семьей

переехал в Оренбургскую губернию, проживал в г. Троицке, а затем в одной из станиц. Поступил на службу в войска Временного Сибирского правительства (07.1918), назначен командиром отдельного Уральского (с 26.08.1918 — III Уральского) армейского корпуса (04.07–24.12.1918, вступил в должность 08.07.1918). После установления власти адмирала А. В. Колчака в связи с реорганизацией войск назначен командующим Западной армией (с 24.12.1918). За успешные действия армии в ходе весеннего наступления белых к р. Волге (1919) произведён в генералы от артиллерии. После ряда военных поражений и сдачи Уфы по личной просьбе смещён с поста командующего (20.06.1919). Назначен военным министром правительства адмирала Колчака (06.10.1919). Эмигрировал в Китай. Арестован советской контрразведкой Смерш в Дайрене (15.09.1945). Депортирован в СССР. По решению Особого совещания при МГБ СССР приговорён к 10-летнему тюремному заключению в местной тюрьме г. Ухта (Коми АССР). По амнистии вышел на свободу (1954). Умер и похоронен в г. Джамбул Казахской ССР. Реабилитирован (23.06.1992). Кавалер орденов Святого Георгия 4-й и 3-й степеней и Георгиевского ордена. Подробнее см.: Волков Е. В. Указ. соч.; Ганин А. В., Семёнов В. Г. Указ. соч. С. 585–586.

17. Лебедев Дмитрий Антонович (06.01.1883–06.03.1928) — из дворян Саратовской губернии, сын офицера. Окончил Симбирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903) и Императорскую Николаевскую военную академию по 1 разряду (1911). Генерал-майор (06.01.1919). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Награждён орденом Святого Георгия 4-й степени (30.09.1915) Один из организаторов «Союза офицеров армии и флота». Участвовал в выступлении генерала Л. Г. Корнилова (август 1917), был арестован и до 13 ноября 1917 г. находился в Быховской тюрьме. Бежал на Дон, принимал участие в формировании Добровольческой армии. В феврале 1918 г. выехал в Сибирь. Принимал участие в перевороте 18 ноября 1918 г. и приходе к власти адмирала А. В. Колчака. Назначен начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего

(21.11.1918). Военный министр Всероссийского правительства адмирала Колчака (с 23.05.1919) с оставлением в должности начальника штаба. 10 августа 1919 г., после провала Челябинской операции, заменён на должности начальника штаба генералом М. К. Дитерихсом. 12 августа 1919 г. смещён с должности военного министра и назначен командующим Отдельной Степной группой войск на правах командующего армией. 16 ноября 1919 г., в связи с упразднением Степной группы войск, назначен командиром Уральской группы войск, принимавшей участие в боях под Красноярском в январе 1920 г. Участник Сибирского Ледяного похода, где возглавлял одну из колонн вместе с генералом К. В. Сахаровым. В феврале 1920 г. назначен директором Русского Восточного кадетского корпуса во Владивостоке. В мае 1921 г. участвовал в свержении правительства А. Мудедева в Приморье, возглавлял Народный-революционный комитет во Владивостоке. В августе 1922 г. — помощник воеводы Земской рати генерала М. К. Дитерихса и с сентября 1922 г. начальник милиции охраны полуострова Муравьёва-Амурского во Владивостоке. При эвакуации из Владивостока командир Урало-Егерского отряда в составе Дальневосточной казачьей группы. В эмиграции в Шанхае основатель и редактор газеты «Русская мысль». Похоронен на кладбище Бабблинг Род в Шанхае.

18. Гайда Радола (Гейдель Рудольф) (14.02.1892–15.04.1948) — получил фармацевтическое образование. В начале Первой мировой войны мобилизован и служил в чине младшего офицера в австрийской армии. Генерал-лейтенант (17.01.1919). Попав в плен (сентябрь 1915), перешёл на службу в черногорскую армию, где служил в качестве военного медика. После отступления сербско-черногорских войск в Албанию уехал через Францию в Россию (февраль 1916). Поступил на службу в Чехословацкий корпус, зачислен во 2-й Чехословацкий стрелковый полк (30.01.1917). Капитан. В Челябинске на совещании руководителей Чехословацкого корпуса избран членом Временного исполнительного комитета легионов (20.05.1918). Принимал активное участие в ликвидации советской

власти в Сибири, Восточная группа под его командованием освободила от большевиков Иркутск (11.07.1918). Генерал-майор (02.09.1918). Командир 2-й чехословацкой дивизии (26.09.1918). С 12 октября 1918 г. командовал Северо-Уральским фронтом (Екатеринбургская группа войск Временного Сибирского правительства, с 24.12.1918 — Сибирская армия). 4 января 1919 г. назначен временно командующим Сибирской армией (утверждён в должности 01.03.1919). 8 января 1919 г. определён на русскую службу. За взятие Перми награждён английским орденом Бани, французским Военным крестом с пальмовой ветвью и чином генерал-лейтенанта. 7 июля 1919 г. отстранён от командования Сибирской армией. 10 июля 1919 г. уволен из русской армии адмирала А. В. Колчака и отправлен в Чехию. Переведён в командный резерв Чехословацкого корпуса (22.08.1919). Лишён чина генерал-лейтенанта (02.09.1919). 17 ноября 1919 г. стал одним из руководителей восстания против Колчака во Владивостоке. После подавления восстания арестован и выслан на родину, куда прибыл 11 февраля 1920 г. В конце 1920 г. послан на обучение в Высшую военную школу в Париже. Назначен первым заместителем начальника Главного штаба (01.12.1924). Допущен к исполнению обязанностей начальника Главного штаба (20.03.1926). В июле 1926 г. обвинён в шпионаже в пользу СССР. Признан негодным к военной службе (14.08.1926). Лишён воинского чина (1926). На съезде Национальной фашистской общины избран её лидером (02.01.1927). Неоднократно преследовался властями. После оккупации гитлеровцами Чехии реабилитирован, возвращён чин дивизионного генерала. После вступления советских войск в Чехословакию был арестован в Праге 12 мая 1945 г. органами чехословацкой безопасности как коллаборационист. В предварительном заключении провёл почти два года. 4 мая 1947 г. Пражским народным судом осуждён к лишению свободы на два года. Освобождён по состоянию здоровья 12 мая 1947 г. Награждён орденами Святого Георгия 3-й (09.12.1918) и 4-й степеней (02.07.1917), Георгиевским крестом 4-й степени с ветвью (1917). Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище.

ледовало. Он ограничился одним замечанием, что «итак наступление в начале марта, а приказ подробный получите из Ставки». Точка.

Затем перешли к вопросу о нуждах армии, и сразу все оживились.

Как это мне напомнило живо картину мирного времени: в полку военная игра; всё идёт вяло, тягуче; из каждого слова приходится выжимать. Но вот командир полка собирает старших офицеров для обсуждения некоторых текущих вопросов, преимущественно хозяйственного содержания. Боже мой, как все сразу оживлялись, откуда являлся дар речи, знания, осведомлённость и задор.

Так случилось и у нас — посыпались просьбы, заявления, жалобы. Колчак через справки Супруновича старался всех успокоить, удовлетворить; просьбы, пожелания тщательно записывались, чтобы затем благополучно потонуть в море бумажном.

Когда всё несколько успокоилось, Ад-

Челябинск. Номера М. И. Дядина. Современный вид (верхние этажи надстроены в советское время). Ныне — ГУВД Челябинской области. Фото А. Ганина.

мирал, видимо, предполагал поделиться некоторыми конфиденциальными сведениями из области политики Омска, но его перебили каким-то докладом извне. Он встал, и затем всё смешалось.

Вошёл п[олковник] Нарышкин, забрал карты, а затем пригласил всех к чаю.

Щепихин С. А. Сибирь при Колчаке (Прага, 1930)//ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 55 об.–57 об. Рукопись.

19. Публикуемая схема в целом передаёт чертёж С. А. Щепихина, выполненный им от руки.

20. Супрунович Дмитрий Михайлович — Генерального штаба полковник. Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1913). Участник Первой мировой войны. Награждён Георгиевским оружием (1917). Участник Белого движения на Востоке России (1918–1919).

21. Нарышкин Алексей Яковлевич — Генерального штаба полковник. Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1912). Участник Первой мировой войны. Генерал-квартирмейстер штаба Западной армии (1919).

22. Дутов Александр Ильич (05.08.1879–07.02.1921) — из потомственных дворян станции Оренбургской, сын казачьего офицера, родился в г. Казалинск Сырдарьинской обл. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище по 1 разряду (1899), курс наук в 3 сапёрной бригаде (1901), экзамен при Николаевском инженерном училище (1902), Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду без права на причисление к Генштабу (1908).

Полковник с 16.10.1917. Генерал-майор с 25.07.1918. Генерал-лейтенант с 04.10.1918. В 1 Оренб. каз. полку с 1899. В 5 саперн. батальоне с 1902. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Командующий 1 Оренб. каз. полком (1916–1917). Член Временного Совета Союза казачьих войск с 05.04.1917. Член (затем председ.) Совета Союза казачьих войск (13.06.1917). Участник Государственного Сопевания (08.1917). Чрезвычайным Войсковым Кругом Оренбургского казачьего войска избран Войсковым атаманом (01.10.1917). Главноуполномоченный Временного правительства по продовольствию по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области (15.10.1917). Издал приказ о непризнании большевистского переворота (26.10.1917). Депутат Учредительного собрания (11.1917). Командующий Юго-Западной армией (17.10–28.12.1918). Командующий Отдельной Оренбургской армией (28.12.1918–23.05.1919). Главный начальник Оренбургского края с

13.02.1919. Походный атаман всех казачьих войск и генерал-инспектор кавалерии Русской армии с 23.05.1919. Командующий Оренбургской армией с 18.09.1919. Участник Голодного похода (1919). Главный начальник Семиреченского края с 06.01.1920. В эмиграции в Западном Китае с 03.1920. Готовил поход на Советскую Россию (1920–1921). Смертельно ранен советским агентом М. Ходжамиаровым при покушении. Похоронен в г. Суйдин (Западный Китай).

23. Речь идёт о I Волжском армейском корпусе Западной армии под командованием Генерального штаба генерал-майора В. О. Каппеля, находившемся в тылу для пополнения своих рядов и участия в подавлении беспорядков. В начале мая корпус был направлен на фронт, не успев закончить формирование.

24. Ирония Щепихина относительно идеи наступления Отдельной Оренбургской армии Дутова связана с катастрофическим состоянием этой армии в начале 1919 г., когда армия потеряла ряд неудач, оставив Оренбург и значительную территорию Южного Урала. Однако в ходе весеннего наступления оренбуржцам удалось вернуть практически всю оставленную территорию.

25. Богословский Борис Петрович (23.06.1883–18.07.1920) — из семьи врача, личного почётного гражданина Калужской губернии. Генерал-майор (24.12.1918). Окончил Орловский генерала Бахтина кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903) и Императорскую Николаевскую военную академию по 1 разряду (1912). Полковник (06.12.1917). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии с февраля 1917. Был тяжело контужен. После излечения направлен на преподавательскую работу. Приказом Армии и Флота 21 октября 1917 г. назначен штаб-офицером, заведующим обучающимися в Николаевской военной академии офицерами.

В феврале 1918 г. вступил в РККА и получил предложение сформировать генерал-квартирмейстерскую часть штаба Петроградского военного округа. Назначен начальником этой части.

17 апреля 1918 г. откомандирован в Екатеринбург в распоряжение начальника Военной академии. 23 июля 1918 г. назначен командующим 3-й армией Восточного фронта красных, остался с частью штаба в Екатеринбурге и 25 июля при взятии города перешёл к белым. Начальник штаба Средне-Сибирского корпуса с 28.07.1918, исполнял должность начальника штаба Восточного отряда Р. Гайды вместо погибшего полковника Б. Ф. Ушакова с 18.08.1918, начальник штаба Екатеринбургской группы войск (12.10–24.12.1918).

С 24 декабря 1918 г. временно исполняющий обязанности, с 4 января 1919 г. начальник штаба Сибирской армии. 1 июля 1919 г. откомандирован в Омск в распоряжение штаба Верховного главнокомандующего. 2 августа 1919 г. назначен инспектором школ и пополнений Восточного фронта, со 2 октября 1919 г. начальник управления генерала для поручений при начальнике штаба Верховного Главнокомандующего. Награждён орденом Святого Георгия 4-й степени (06.01.1919, за взятие Перми), Георгиевским оружием (16.08.1916).

12 декабря 1919 г. назначен начальником штаба Восточного фронта. 29 декабря 1919 г. был ранен на ст. Ачинск при взрыве эшелона со снарядами. 6 января 1920 г., бросив главнокомандующего и штаб, прибыл по собственной инициативе в Красноярск, в штаб 30-й стрелковой дивизии РККА. 23 января 1920 г. направлен в особую комиссию по регистрации военнопленных и перебежчиков, арестован сотрудниками Особого отдела 5-й армии. Содержался в Омской тюрьме, где по приговору президиума полномочного представительства ВЧК по Сибири от 17 июля 1920 г. был приговорён к расстрелу. 29 декабря 1921 г. реабилитирован прокуратурой Омской области.

26. Имелась в виду Отдельная Оренбургская армия Дутова, переформированная в конце мая — июне 1919 г. в Южную.

27. Оренбург был оставлен белыми 21 января 1919 г.

28. В регионе была слабо развита железнодорожная сеть.

29. Голицын Владимир Васильевич (09.07.1878–?) — из потомственных дворян Рязанской и Тверской губерний.

Генерал-лейтенант (09.01.1919). Окончил Полоцкий кадетский корпус (1895), Александровское военное училище по 1 разряду (1897). Участник китайского похода, Русско-японской и Первой мировой войн. С марта 1917 г. командир 3-й гвардейской резервной бригады в Петроградском военном округе, офицер для поручений при штабе 8-й армии Юго-Западного фронта, затем штаб-офицер для поручений в Ставке Верховного Главнокомандующего. Входил в окружение генерала Л. Г. Корнилова. 25 апреля 1917 г. уволен со службы по состоянию здоровья в чине генерал-майора. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., участник Первого Кубанского (Ледяного) похода при штабе армии, затем начальник военно-политического центра Нижней Волги. Несколько раз командировался ген. Корниловым в Астрахань и Москву для установления связей с белым подпольем. После смерти Корнилова 23 апреля 1918 г. уехал в Москву, а затем в Сибирь.

30 июля 1918 г. прикомандирован к штабу Уральского корпуса. Начальник гарнизона г. Екатеринбург и один из руководителей расследования обстоятельств убийства царской семьи в августе 1918 г. С 6 августа 1918 г. в Екатеринбурге формировал 2-ю Уральскую (с 28.08.1918 — 7-я Уральская) дивизию горных стрелков, начальник этой дивизии (06.08–27.12.1918). 11 октября 1918 г. назначен уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия в пределах освобождённой от большевиков части Пермской губернии. Командир III Уральского армейского корпуса Западной армии (10.01–11.06.1919).

Во главе корпуса принимал участие в весеннем наступлении Западной армии. Награждён орденом Святого Георгия 4-й степени (05.02.1919, за Пермскую операцию). 22 июня 1919 г. назначен в распоряжение Верховного главнокомандующего, а 28 августа 1919 г. получил должность начальника всех добровольческих формирований. Покинул Омск 12 ноября 1919 г.

Дальнейшая судьба неизвестна. 30. После образования независимой Чехословакии Чехословацкий корпус в конце 1918 — начале 1919 гг. по приказу французского командования был отведён в тыл для охраны Транссибирской железной дороги и других объектов.